

Борщик Наталья Дмитриевна, доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения и архивоведения, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Россия

e-mail: arktur4@rambler.ru

НА ГРАНИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАТАСТРОФЫ: ГОЛОД 1921–1922 ГГ. В ЯЛТЕ

Аннотация. В статье рассмотрены малоизвестные сюжеты о голоде в Крыму 1921–1922 г., особенно остро проявившемся на южном берегу полуострова. Привлечены архивные документы, статистические материалы, мемуаристика. Указаны причины этого национального бедствия, показаны его катастрофические итоги, оказавшие серьезное влияние на последующее социально-экономическое развитие Крыма.

Ключевые слова. Крымский полуостров, голод, 1920-е гг.

Natalya Borshchik, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Documentation and Archival Science, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Russia.

e-mail: arktur4@rambler.ru

ON THE VERGE OF A NATIONAL CATASTROPHE: THE FAMINE OF 1921- 1922 IN YALTA

Annotation. The article deals with little-known stories about the famine in the Crimea in 1921-1922, which was especially acute on the southern coast of the peninsula. Archival documents, statistical materials, memoiristics are involved. The reasons for this national disaster are indicated, its catastrophic results are

shown, which had a serious impact on the subsequent socio-economic development of the Crimea.

Keywords. Crimean Peninsula, famine, 1920s

В современной исторической науке немало «проблемных» вопросов, браться за исследование которых необходимо с известной осторожностью и взвешенностью, учитывая все сопутствующие факторы. Одним из таких является тема голода, охватившего огромные территории страны в начале 1920-х гг. Причины этого национального бедствия, политика советских органов власти, помощь иностранных общественных организаций голодающим и т.д. изучены специалистами довольно тщательно, в том числе и иностранными специалистами [1]. Но традиционно, говоря о голоде 1920-х гг., подразумевают Поволжье, где уже в 1920-м г. голодадо несколько десятков миллионов человек [2, 3].

Крымские события этого периода долго оставались вне внимания. Благодаря исследованиям А.Г. И В.Г. Зарубиных в конце 1990-х гг. были обнародованы страшные и трагичные сюжеты Гражданской войны в Крыму, где тема голода тоже нашла свое отражение [4]. Есть и более современные исследования [5, 6]. Но остается еще огромный пласт архивных материалов, документальных свидетельств, мемуаристики, способных пролить свет на события вековой давности.

Крымский полуостров оказался в самом эпицентре «голодомора» весной 1922 г. Но предпосылки страшного голода проявились еще осенью 1920 года. Крым, ставший последним оплотом белогвардейского движения в стране, пережил боевые действия, окончательно приведшие к власти большевиков. События «белого Исхода» (или Великого Исхода), в результате которых тысячи соотечественников добровольно отправились в эмиграцию, а также последующий «красный террор» против «врагов Советской власти» самым негативным образом сказался на развитии крымской экономики и особенно сельского хозяйства. Свою роль сыграли и погодные условия.

Из архивных документов известно, что урожай 1919 года на полуострове был «сильным», и до нового урожая 1920 г. население жило, главным образом, за счет старых запасов [7]. Но посевная кампания 1920 года была гораздо менее масштабной по сравнению с прошлыми годами, особенно на Южном берегу Крыма, в окрестностях Ялты. Многие поля и виноградники стояли заброшенными, владельцы готовились покинуть свои имения, усадьбы и дачи. Сказались «последствия военных действий», «неуверенность помещиков», но «осенний посев 1920 года» достиг «только 266778 десятин вместо 403293 в 1917 г.» По другим данным, площади посева озимого ячменя в Крыму уменьшились с 57,8 тыс. га в 1917 году до 18,4 тыс. га в 1921 г. То есть, в связи с нестабильностью обстановки и неуверенности населения в завтрашнем дне посевные площади были уменьшены почти на 25 % в 1920 г., и почти в три раза в 1921 г. Специалисты-статистики в своих отчетах за 1921 год отмечали, что «первый год Советской власти в Крыму был годом в значительной мере исчерпанных запасов и громадного недосева продовольственных хлебов» [8].

Из дальнейших событий понятно, что 1920 г. был для Крыма неурожайным, «дав средний урожай озимых в 21 пуд и яровых 14 пудов». Естественно, это был очень низкий урожай: из источников социально-экономических показателей дореволюционного Крыма известно, что в период 1900–1917 гг. в среднем собирали 43 пуда озимой пшеницы, урожайность озимых овса, ржи и ячменя колебалась от 31 до 34 пудов с десятины. Яровых в среднем собирали 40 пудов. То есть, урожайность в 1920 г. была ниже обычной в два-три раза по отдельным видам зерновых.

Население большие надежды возлагало на урожай 1921 года. Но, как следует из документов, «вторая половина весны и лето уничтожили эти надежды. Засуха, невиданная давно в Крыму, при несомненно низком качестве полевых работ, уничтожила урожай». При подведении итогов оказалось, что «совершенно погибло до 240000 десятин посевов». На остальной площади «урожай достигал в среднем 4,5 пудов». Катастрофа

становилась неминуемой, и особенно трагично события разворачивались на Южном берегу Крыма (ЮБК).

Нужно сказать, что согласно статистическим данным, до 40 % крестьян ЮБК были безземельными, являясь арендаторами у состоятельных землевладельцев или нанимаясь батраками на сельскохозяйственный сезон. Но конфискация органами советской власти в конце 1920-го года более 1000 имений с садами, огородами, виноградниками, табачными плантациями для последующего создания на их базе совхозов лишало эту категорию населения гарантированного заработка. К тому же, засуха лета 1921 года характеризовалась не только «катастрофическим недородом» зерновых, но и сказалась на состоянии травяного покрова. В официальных документах того времени отмечалось, что «засушливое лето повлекло за собой полную гибель трав», а также «чрезвычайно низкий урожай овощей и фруктов». Это, в свою очередь, самым пагубным образом отразилось на скотоводстве: отсутствие кормов приводило к болезням и массовой гибели скота, размеры которой «настолько велики, что грозят свести на нет все скотоводство Крыма».

Органы советской власти в Крыму перестали отрицать очевидное и неоднократно обращались в центр с просьбой о помощи. Так, в своем письме в Народный комиссариат продовольствия РСФСР управляющий делами в совнаркоме Крымской АССР М. Поляков и другие официальные лица писали о бедственном положении крымчан, особо упоминая Южный берег Крыма, который «заселенный преимущественно татарской беднотой, едва ли сводил концы с концами и в нормальные годы» [9].

Чиновники отмечали, что население здесь не занималось сельским хозяйством в силу отсутствия плодородных земель, а жило «разведением интенсивных культур (садоводство, виноградарство, табаководство)», а теперь «лишено и этой возможности» [10]. Бедствовали и горожане, которым просто негде было купить продукты: продовольственные магазины и склады были закрыты, стихийные рынки разгонялись красноармейцами «во избежание спекуляции». Поэтому Ялта Ялтинский регион «должен быть

отнесен к числу наиболее голодных районов Крыма», а его население «необходимо взять на полное попечение государства» [11].

В Симферополе в составе Крымского центрального исполнительного комитета (КрымЦИК) по аналогии с другими голодающими регионами был создана комиссия помощи голодающим (ЦК Помгол). Аналогичные органы заработали во многих городах Крыма: в Евпатории, Керчи, Севастополе, Феодосии и Ялте. Они обращались к выдающимся соотечественникам с просьбой о пожертвованиях, устраивали благотворительные лотереи, пытались получить дополнительные ресурсы всеми возможными способами. Например, в Ялте стало известно, что «на складе Ялтинского торгпорта в числе прочего бесхозного имущества имеется 60.000 пудов марганцевой руды». Было установлено, что «указанная руда соответствует качествам, требуемым внешним рынком и реализация ее вполне возможна». Ялтинские власти просили разрешения «указанное количество руды реализовать на внешний рынок», а вырученные средства потратить на приобретение продуктов питания, «80 % которых, согласно постановлению КрЦИК о 80 % отчислениях в фонд Помгола из бесхозяйственных имуществ, передать в распоряжение Помгола» [12].

Объявления о благотворительных акциях были нередки на страницах ялтинской прессы: «2 июля в городском театре состоится Духовой концерт всех приходских хоров Ялты, при участии Е.И. Епанешниковой и Гр. Чернорук. Весь чистый сбор поступит в пользу столовой для голодающих» [13]. Но, тем не менее, средства от благотворительности поступали очень скудные, так как сами некогда состоятельные люди испытывали крайнюю нужду, нередко голодая.

Мемуары выдающегося зоолога, профессора И.И. Пузанова свидетельствуют о том беспросветном мраке и ужасе, в который погрузилась «блистательная Ялта» зимой 1921–1922 г. Владелец одной из симеизских дач, он писал: «я понял, что постоянно жить в Симеизе для меня бессмысленно, ибо здесь я не мог найти никакого заработка по своей специальности.

Фактически бросив университет, я тем самым лишился заработка, который худо-бедно кормил меня с семьей более двух лет. Но вернуться в Симферополь, надолго бросив семью в это ужасное время, я тоже не мог. Оставалась Ялта, где я числился в составе сотрудников краеведческого музея».

О жизни в Ялте он сообщал: «В комнатах царил могильный холод – градусов восемь-десять, по вечерам – тьма, которую не мог разогнать скудный свет керосиновых коптилок. Мы не могли позволить себе роскоши зажигать настоящие лампы, ибо керосина было в обрез, как, впрочем, и всего необходимого для жизни»; «В результате летней засухи и событий гражданской войны, хлеба в Крыму было очень мало. Рыба начала играть все большую и большую роль в моей жизни. Оно и понятно: на рыбу, как на объект питания, была вся надежда не только моя, но и всего Южного берега» [14].

И только с апреля 1922 года ситуация стала понемногу улучшаться, когда была налажена поставка продовольствия из других регионов страны. Значительную помощь оказывало и мировое сообщество, в частности, АРА – неправительственная организация из США, поставлявшая продовольствие во многие европейские страны, пострадавшие в ходе Первой мировой войны. В Ялте заработал «Комитет АРА», располагавшийся на ул. Екатерининской, 1. Через средства массовой информации сообщалось, что «в округе начато снабжение взрослых вплоть до самых глухих мест деревни»; «каждый фунт муки и банка молока должны попасть по назначению, всякие злоупотребления будут караться самым строгим образом».

Газета «Красная Ялта» писала в июне 1922 года: «Голод, обрушившийся на нашу Республику в конце 1921 года наряду со страшным увеличением смертности, достигнувшей с ноября по май в Крыму 70 000 человек, разрушил сельское хозяйство и местную промышленность»; «на кладбищах ялтинских совхозов среди пышной растительности осталось немало следов пережитого кошмарного времени. То десятки

свеженасыпанных холмов, укрывших обрезчика, умершего почти одновременно со своей голодной лошадей, и отцов семейств, впавших в отчаяние» [15].

Крымские статистики, подсчитывая в 1923 г. убытки от национального бедствия, каким стал голод в Крыму 1921–1922 г., констатировали, что численность населения в Ялте сократилось почти на треть, что было самым большим показателем среди окружающих городов. Для сравнения: в Симферополе – на 13,5, в Ялте – на 29,3 % [16].

События 1920-х гг. в Крыму наконец стали предметом для специального исследования. Но пока не выяснены все обстоятельства, не рассекречены все документы – рано говорить об объективных выводах. Сейчас, спустя 100 лет после описываемых событий, остается лишь сожалеть о тысячах невинных жертв.

Список использованной литературы

1. Pipes, Richard. Russia under the Bolshevik regime, 1919-1924. London: Harvill press, 1997. P. 587.
2. Белокопытов В.И. Лихолетье: Из истории борьбы с голодом в Поволжье, 1921–1922 гг. Казань: Татар. кн. изд-во, 1976. 167 с.
3. Поляков В.А. Голод в Поволжье, 1919–1925 гг.: происхождение, особенности, последствия. Дис. ... д-ра ист. наук. Волгоград, 2009. 663 с.
4. Без победителей: из истории Гражданской войны в Крыму / А.Г. Зарубин, В.Г. Зарубин. 2-е изд., испр. и доп. Симферополь: Антиква, 2008. 724 с.
5. Крапивенцева В. А. Предпосылки голода в Крыму в 1921–1923 годах // Причерноморье. История, политика, культура. 2010. №. 2. С. 78–81.
6. Циденков Г.Н. Иностранные гуманитарные организации помощи, осуществлявшие свою деятельность в Крымской АССР во время голода 1921–23 гг. // Научный вестник Крыма. 2022. № 2. URL: <https://nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/868> (дата обращения 01.11.2022 г.).

7. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. Р-1932. Оп. 1. Д. 18. Л. 174.
8. Предварительные итоги переписи в Крыму в 1921 году. Симферополь: [б. и.], 1922. 115 с.
9. ГАРК. Ф. Р-1188. Оп. 3. Д. 46. Л. 265об., 275, 283.
10. Борщик Н. Д. «Всякое благоустроенное государство не может вести своего государственного хозяйства, не зная, сколько у него жителей»: подготовка и проведение всекрымской переписи 15 апреля 1921 года // Новый исторический вестник. 2022. № 1 (71). С. 27–40.
11. ГАРК. Ф. Р-151. Оп. 1, Д. 2. Л. 49.
12. ГАРК. Ф. Р-1932. Оп. 1. Д. 18. Л. 81.
13. Помгол и восстановление сельского хозяйства // Красная Ялта. 1922. 2 июля (воскресенье). № 21 (54).
14. Борщик Н.Д. «Воспоминания о Крыме». Из архива ученого – естествоиспытателя И.И. Пузанова / Документ в современном обществе: исторические, концептуальные и методические аспекты изучения. Коллективная монография / Отв. ред. Н.Д. Борщик. Симферополь, Курск: Изд-во «Университетская книга», 2019. С. 142–197.
15. Весенний мотив // Красная Ялта. 1922. 2 июля (воскресенье). № 21 (54).
16. Бюллетень ЦСУ Крыма. № 5. Городская перепись 1923 г. Симферополь, 1924. 76 с.